

January 16, 1979

Dear Mikhail,

May I engage you in a discussion on the interrelationship of Man/Woman in Marx in 1844 and 1882? First, is it possible for you either to have a copy of your work that you could spare, or that I could borrow? I know of no place to get it, and I'm very anxious to read it.

At the moment, I happen to be diverting from Rosa Luxemburg again in order to look further into Kroeber's Asiatic Mode of Production. (By the way, did you meet him in India recently at that anthropological conference?) Although the book is as thorough a scholarly job as his Ethnological Notebooks, I feel he has retreated on the question of the difference between Marx and Engels. In any case, although he does continue to look at the totality of Marx's work, the relationship insofar as Man/Woman is concerned in the various works of Marx is now (1975) subsumed under "humanity", "social vs. individual", and because Rosa was learning to tolerate both male chauvinism and anti-Semitism that was not too far from the surface in the US, he considers that to be a model. I don't. Indeed, what is great about the Woman's Liberation Movement today is that it refuses to wait for the "day after" and questions the relationship the day before the revolution.

It is not an easy task to try to work out, as if it were a unit, the three separate parts of my thesis -- Rosa Luxemburg, Today's Women's Liberation Movement, and Marx's Philosophy of Revolution. And yet I do not think that I'm imposing anything on the three topics. On the contrary, there is never a leap in cognition until there is a new objective stage which finds personification (I was going to say "materialization" which shows how mechanical we all tend to become with the materialist conception of history). What I mean is, whenever a new revolutionary force emerges, that's when, if one knows how to keep his ears to the ground and listen to the voices from below, a new stage of Reason develops. That was so when Marx made a "category" of the proletariat; that was so when Lenin saw that you couldn't skip either the peasantry or the Orient; that was so when the Black Dimension in the 1950s finally forced white society to see African and American Blacks; and, if you'll bear with me (be it as man or as Marxist or as anthropologist or as colleague), that is so since the mid-1960s when Woman became Movement.

The genius of Marx was that at the very height of his own self-development of what I call the "new continent of thought" reaching maturity once he had the three volumes of Capital before him, once he faced not just the fact that he might die before ever he finished his magnum opus, but as he faced a very different situation than either the Paris Commune or "the West," but Russia achieving a movement, a Marxist, the possibility of revolution in Russia, that most revolutionary consideration, giving birth to such a revolutionary advance, that this is what a revolutionary force does to the thinking of a genius.

15139

11/14/78

Уважаемая Гая Дунаевская!

14. XI. 78.

Благодарю Вас за письмо от 6 ноября и за книжную посылку. Еще не прочитал Вашу книгу. Причюсь при первой же возможности.

Выходит, что мы земляки. Однако сфокусировались мы в очень разных культурных мирах. Отсюда, видимо, та разница в вопросах, с которыми мы обращаемся к истории социальной мысли, а также в ответах, которые мы находим там. Это вполне приложимо к марксизму.

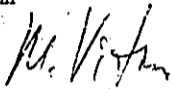
Должен, прежде всего, сказать, что я вполне разделяю Вашу точку зрения, что "поздний" Маркс — отнюдь не бездеятельный человек, истощивший свой интеллектуальный потенциал. Совсем наоборот. Но мне думается, что, несмотря на это, Маркс мало преуспел в разрешении обуревавших его проблем. Вы называете это периодом диалектической антропологии. Я с большим интересом буду читать Ваш анализ конспектов Маркса. Со своей стороны, занимаясь последними годами Маркса, я пришел к выводу, что Маркс в эти годы переживал глубочайший интеллектуальный кризис, порожденный не его старением, а старением некоторых весьма существенных предпосылок его теории. Например, он столкнулся с фактом малой объяснительной способности понятия практики в применении к неевропейскому материалу. Отсюда его жадность к проблемам неевропейским, например, российским. Но Маркс мало достиг в этом отношении. Главное свидетельство — судьба третьего тома "Капитала", где Россия должна была играть ту же ключевую роль, что Англия — в первом / главным образом, в связи с проблемой ренты /. Вы определяете современную Россию как государственный капитализм.

15140

Я думаю, что эта терминология вполне эффективна для целей противопоставления современного русского тоталитаризма исходным ожиданиям Маркса. Но недостатком этого понятия является то, что оно выношено в рамках европейской культурной традиции. Между тем очень серьезные попытки понять современную Россию принадлежат тем авторам, которые в состоянии показать, что российский коммунизм является зрелым плодом длительного процесса рационализации византийско-русской культурной традиции, т.е. традиции отнюдь восточной и принципиально некапиталистической.

Наверное, я еще вернусь к этим темам после прочтения Вашей книги. А пока я надеюсь, что дальнейшая переписка сложится благополучно, т.е. что нам удастся наладить регулярный и плодотворный обмен мнениями.

Искренне Ваш

Р.В. Гросси у меня были знакомые Дунаевские. Впрочем, эта фамилия принадлежит к числу распространенных.